

СОДЕРЖАНИЕ

Замечание о званиях	7
Введение	9
1. Оппозиция в огне	17
2. «Эта проклятая кобыла!»: скандал в армейской верхушке	35
3. Офицер, бургомистр и разведчик	40
4. «В самых мрачных тонах»: решение генерала Бека.....	56
5. Птичка и ее клетка: первая попытка государственного переворота, сентябрь 1938 г.	63
6. Без сети: одинокий убийца	95
7. Точка невозврата: погром и война	111
8. Дух Цоссена: когда сети не работают.....	125
9. Знаки во тьме: восстановление заговора	137
10. На крыльях мысли: воображаемые сети.....	142
11. Посредники на передовой: новая стратегия.....	160
12. Война на уничтожение: заговорщики и холокост.....	168
13. «Вспышка» и бутылки с алкоголем: покушения на Востоке.....	175
14. Кодовое имя U-7: спасение и крах.....	195
15. Граф Штауффенберг: харизматический поворот	217

16. Убий: проблема тираноубийства	244
17. Схема колеса: эра Штауффенберга	253
18. Развязка: 20 июля 1944 г.	281
19. Хитон Несса.....	320
20. Мотивы в сумерках.....	352
21. Сети Сопротивления	370
Эпилог	381
Благодарности	385
Примечания	390
Избранная библиография	452
Предметно-именной указатель.....	468

Замечание о званиях

Многие персонажи этой книги — офицеры военных организаций Третьего рейха: вермахта, военно-морского флота и СС. За описанные годы — с 1938-го по 1944-й — некоторых из них повышали в звании, и нередко не один раз. В книгах о немецком Сопротивлении, особенно на английском языке, часто указывают лишь последнее и самое высокое звание того или иного человека. Например, Клаус фон Штауффенберг обычно фигурирует как полковник, хотя он получил этот чин только в июле 1944 г. В своей книге я стараюсь приводить актуальное звание в каждый период времени. Так, Хеннинг фон Тресков именуется полковником в главах, рассказывающих о его покушениях в марте 1943 г., и генерал-майором в последующих главах.

Два генеральских звания вермахта — генерал пехоты/артиллерии и генерал-полковник — не имеют точного эквивалента в англоязычных армиях. Поэтому для простоты в обоих случаях я использую термин «генерал». Организация СС имела собственные звания, которые я передаю с помощью американских эквивалентов, например бригадный генерал Небе, а не оберфюрер Небе.

ВВЕДЕНИЕ

*Я виноват. Не в том вина моя,
Что я боролся с властью бешеного зверя.
Я слишком долго ждал, надеялся и верил,
Что это сделает другой — не я, не я...
Вот в чем пред Родиной вина моя.
Сегодня ясно вижу это я.*

АЛЬБРЕХТ ХАУСХОФЕР, 1945*

Вина. Ни одно другое слово не имеет такой значимости, когда речь идет об истории Германии. Даже драматический заговор 20 июля 1944 г., организованный полковником Клаусом фон Штауффенбергом и его единомышленниками из антинацистского движения Сопротивления с целью убийства Гитлера, был пронизан виной и другими чувствами, которые проступают сквозь густой туман мифов и воспоминаний.

История антинацистского подполья в немецкой армии и его неоднократных попыток убить Гитлера писана-переписана в книгах, фильмах, сериалах и телепередачах. Этому вряд ли стоит удивляться, ведь в ней есть элементы настоящего триллера: ночные встречи в промерзших полях, изощренные планы

---

* Альбрехт Хаусхофер — немецкий географ, дипломат, участник заговора против Гитлера, казненный в 1945 г. «Моабитские сонеты», сонет XXXIX «Вина». Перевод Д. Гарбара. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

военных заговоров, бомбы, спрятанные в портфелях и бутылках с алкоголем, и драма 20 июля 1944 г. — сорвавшееся покушение и последняя, отчаянная попытка осуществить государственный переворот.

История немецкого Сопrotивления имеет не только драматическую, но и важнейшую моральную составляющую. Ведь эпоху нацизма до сих пор во всем мире, и прежде всего в самой Германии, рассматривают через призму коллективной вины, исторической ответственности и бремени преступлений национал-социализма. Немецкие историки-традиционалисты — начиная с 1950-х гг. и по сей день — преподносили историю немецкого Сопrotивления как «светлое пятно» во тьме нацистской эры, облегчая таким образом бремя исторической вины. Участников Сопrotивления изображали честными, глубоко нравственными людьми, стремившимися «противостоять темным силам эпохи», как выразился Ханс Ротфельс, один из основоположников историографии Сопrotивления в Германии¹. История, которую предлагают немецкие историки-традиционалисты, в первую очередь Петер Хоффманн, насыщена деталями и чрезвычайно благосклонна по отношению к борцам германского Сопrotивления. Журналистка Марион фон Дёнгоф называла попытку переворота 20 июля 1944 г. «бунтом совести», а мотивы заговорщиков нравственными². Прежде всего, утверждал Петер Хоффманн, они хотели остановить преступления нацистов, в том числе холокост. Это была гуманная цель — в том смысле, что она поддерживала принцип «жизни и сохранения жизни»³. Конечно, эти люди, безусловно, патриоты Германии, которые надеялись спасти свою родину от уничтожения, однако национализм был тут вторичен по отношению к нравственности.

В бурные 1960-е политический климат в Германии резко поменялся. Молодые историки, как и другие образованные немцы их возраста, занялись безжалостной ревизией «мифов» прошлого. Новый критический подход не обошел стороной и немецкое Сопrotивление. С конца 1960-х гг. критически

настроенные историки левого толка, такие как Ханс Моммзен, Кристоф Диппер и Кристиан Герлах, начали ставить под сомнение нравственную безупречность героев Сопrotивления. По их мнению, заговорщики, в большинстве своем являвшиеся чиновниками-консерваторами и офицерами, изначально были сомнительными фигурами. Да, граф Штауффенберг пытался убить Гитлера и заплатил за это своей жизнью. Но разве не он до этого сотрудничал с нацистским режимом в течение многих лет? А что насчет других заговорщиков? Являлись ли они в действительности высоконравственными людьми, идейными антифашистами, которые пытались организовать «бунт совести», или все же оппортунистами, которые сотрудничали с нацистами до тех пор, пока не стало очевидным, что война проиграна?

Один за другим некогда почитавшиеся заговорщики стали терять свои лавровые венки. Возможно, они со временем возненавидели нацистский режим и принялись противостоять большей части его преступлений, утверждал Ханс Моммзен, но они были противниками демократии и реакционерами⁴. Они придерживались выраженных антисемитских взглядов, писал Кристоф Диппер в весьма авторитетной работе, опубликованной в 1984 г. Они могли выступать против холокоста, однако большинство из них желало, чтобы евреи покинули Германию, и поддерживало «законную» и «ненасильственную» дискриминацию⁵. Они были не только антисемитами, но и убийцами и военными преступниками, заявлял Кристиан Герлах в 1995 г. Многие видные участники заговора, прежде всего генерал-майор Хеннинг фон Тресков, добровольно принимали участие в массовых убийствах русских, евреев и поляков. Историки-традиционалисты, доказывал Герлах, обеляли преступления заговорщиков и писали «чушь» об их якобы безупречном послужном списке. Горькая правда заключается в том, что заговорщики противостояли Гитлеру не из-за его преступлений, а потому, что расходились с ним в том, «как лучше всего победить в этой войне»⁶.

Споры не утихают. Похоже, немецкое Сопротивление Гитлеру — это область, где исторические дискуссии не носят чисто академического характера, а пронизаны эмоциями. Одни ученые возносят заговорщиков на Олимп, другие низвергают в глубины ада. В ход идут профессиональные и даже личные обвинения. Я и сам, как будет заметно на следующих страницах, далеко не нейтральный наблюдатель. Когда я, молодой израильский студент, впервые заинтересовался Сопротивлением, я был поражен тем, что представлялось мне самоотверженной храбростью немецких заговорщиков. Как потомка выживших в холокосте, меня глубоко трогали рассказы о сострадании заговорщиков к преследуемым евреям. Столь же глубоким было и мое разочарование, когда я наткнулся на данные об их возможном антисемитизме и соучастии в военных преступлениях в работах Диппера и Герлаха. Я решил углубиться в источники и составить собственное мнение.

За десять лет исследований, предшествовавших выходу «Валькирии», моей монографии о Сопротивлении, написанной на иврите, я изучил все первичные и вторичные источники, которые смог найти⁷. Я побывал в 13 архивах в Германии, Англии, России и Соединенных Штатах. Временами находки шокировали меня. Постепенно я все сильнее разочаровывался в левой, «критической» школе изучения Сопротивления. Я обнаружил, что, казалось бы, критически настроенные ученые обвиняли участников немецкого Сопротивления в приспособленчестве, антисемитизме и военных преступлениях, основываясь на искаженных данных и неверном прочтении первоисточников. В изложении этих ученых Сопротивление зачастую предстает карикатурой, кривым зеркалом, которое больше говорит о политической предвзятости самих историков, нежели о немецком Сопротивлении⁸.

Однако я не мог вернуться и к уютной героической картине, предлагаемой историками-традиционалистами. Да, некоторые из критически настроенных специалистов проявляли небреж-

ность, но вопросы, которые они ставили, имели смысл. Постепенно я пришел к убеждению, что необходимо выйти за рамки сложившейся полемики о морали, пересмотреть ее положения и в целом переосмыслить ее.

В этой книге я пытаюсь осуществить свой замысел. Она заново рассказывает историю Сопротивления, проливая новый свет на его психологические, социальные и военные движущие силы и на причины, стоявшие за решением убить Гитлера. Я использую немецкое Сопротивление в качестве прецедентного дела, чтобы на основе конкретных наблюдений сделать более общие выводы: почему одни люди решаются на активное сопротивление, несмотря на смертельный риск, а другие нет? кто с наибольшей вероятностью становится борцом Сопротивления? что мы можем узнать о сложных и изменчивых мотивах, которые толкают людей на этот путь? Если выйти за пределы дискуссии о морали, даже не отвергая ее полностью, можно открыть для себя совершенно новый мир смыслов, в котором мотивации и намерения оказываются ускользающими и с трудом поддающимися определению. Медиевист Авиад Клейнберг в своей работе о католических святых писал:

Вопрос о настоящих мотивах подвижника так же бессмыслен, как и вопрос о существовании «истинного» святого. Если под «истинным» понимать идеально чистого, то ответ всегда будет отрицательным. Ничто в мире не является абсолютно чистым. Но означает ли это, что все в мире является абсолютно нечистым? И здесь ответ тоже отрицательный. В этом мире мы всегда имеем дело с относительными величинами... Более того, то, что заставляет человека действовать в один момент, не обязательно побудит его действовать в другой. Иногда люди совершают поступки без всякого намерения; иногда представления о чести, власть, привычка или усталость могут повлиять на самые чистые намерения. Люди редко отвечают четким и точным моделям, равно как

их ноги редко идеально соответствуют 11-му размеру обуви. Ноги и обувь подходят друг другу более или менее. Люди колеблются и переходят от одной модели к другой. В любой конкретный момент времени их действия отражают баланс движущих сил и обстоятельств, сложившийся в уникальной ситуации, которую невозможно воспроизвести⁹.

В самом деле, какой смысл спрашивать, имелись ли у участников Сопротивления «нравственные» или «патриотические» мотивы, не выяснив, что для них означали нравственность и патриотизм? Можно ли провести границу между нравственностью и патриотизмом и если да, то проводили ли ее сознательно сами заговорщики? Можно ли выстроить более убедительную схему их мотивов? Эти вопросы будут рассматриваться на протяжении всей книги, и в главе 20 я сформулирую выводы.

История заговорщиков из немецкого Сопротивления — это все же в первую очередь история военных. В следующих главах будет изложен драматический рассказ о проектах и покушениях, в которые они были вовлечены. Мы будем следовать за ними с 1938 по 1944 г., раскрывая заговоры — знаменитые и малоизвестные. Отдельное внимание будет уделено редко обсуждаемой проблеме конспиративных сетей. Предшествующие исследования, как правило, фокусировались на группах или отдельных участниках Сопротивления, но почти ни одно из них, насколько мне удалось установить, не анализировало должным образом взаимодействие между членами этих групп¹⁰. Как вербовали новых борцов Сопротивления? Как в реальности функционировали сети заговорщиков и как различные стили руководства влияли на результаты заговоров и их шансы на успех? И что важнее всего, мы увидим, как определенные лица, которых мы назовем посредниками и объединителями, поддерживали работоспособность этих сетей, обеспечивая поток информации внутри них.

Кроме того, мы рассмотрим сложности, связанные с решением участников Сопrotивления убить Гитлера. С одной стороны, это действие искушало возможностью разом изменить ход истории. С другой — убийство верховного правителя для большинства заговорщиков представляло серьезную идеологическую, юридическую и моральную проблему. Как предводители Сопrotивления, будучи благочестивыми христианами, оправдывали убийство вышестоящего лица, которому давали присягу? Постановка подобных вопросов позволит нам многое понять не только о Сопrotивлении, но и о проблемах подчинения и неподчинения в нацистской Германии и за ее пределами.

Мое повествование основано на первоисточниках — дневниках, письмах, мемуарах и личных свидетельствах, а также на немецких, американских, британских, финских и советских документах. Кроме того, я использую протоколы допросов гестапо и материалы нацистских судебных процессов, а также беседы с заговорщиками и членами их семей. Особенно важным ресурсом является почти неисчерпаемая коллекция документов, собранная покойным профессором Гарольдом Дойчем, которая хранится в Центре образования и сохранения исторического наследия армии США в Карлайле (Пенсильвания). Я также активно пользовался частными архивами двух других выдающихся историков — Эберхарда Целлера и Бодо Шойрига, — хранящимися в Институте современной истории в Мюнхене.

Многие из задействованных мною документов мало исследованы (а то и вообще не исследованы) в существующих работах. Например, увлекательные дневники Германа Кайзера, посредника, связывавшего группы Сопrotивления в Берлине и на востоке страны, предлагают редкую возможность заглянуть в ближний круг заговорщиков. Я также широко использовал беседы Гарольда Дойча и его команды с участниками попытки государственного переворота в сентябре 1938 г., о которой до сих пор известно сравнительно мало. Эти интервью открывают новую грань мировоззрения высокопоставленных участников движения

Сопrotивления накануне и во время Второй мировой войны. Точно так же французские источники, которые до сих пор не получили должного внимания, позволили мне раскрыть историю переговоров, проведенных летом 1944 г., между агентами немецкого Сопrotивления и офицерами разведки «Свободной Франции»*. Еще один важный источник, который также приводится здесь впервые, — протокол допроса советской разведкой полковника Ханса Кроме, участника движения Сопrotивления, взятого в плен Красной армией в 1944 г. Этот документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве, содержит ценную информацию о том, какие методы рекрутирования использовало движение Сопrotивления, о его внутренней структуре и организации секретной коммуникации.

Кроме того, я проработал значительный объем исследований о немецком движении Сопrotивления, опубликованных в период с 1945 по 2015 г., на иврите, английском и немецком языках. Мои находки указывают на серьезные недостатки некоторых влиятельных и признанных работ по данной теме. Такая широта материалов, первичных и вторичных, позволила мне составить исчерпывающий отчет об интересующих нас событиях, включая моменты кризисов и переломов, и одновременно сделать несколько наблюдений, ценных не только применительно к этой конкретной истории. В нашем мире революционных «весен», гражданских войн, оккупационных режимов и жестоких тираний вопросы сопrotивления важны как никогда.

---

* Движение французского Сопrotивления. До 1942 г. — «Сражающаяся Франция», после — «Свободная Франция».

I

ОППОЗИЦИЯ В ОГНЕ

К 30 января 1933 г., накануне захвата нацистами власти, все еще было непонятно, получат ли Гитлер и национал-социалисты в свое распоряжение Германию без боя. Две оппозиционные антинацистские партии — коммунисты и социал-демократы — по-прежнему располагали масштабными сетями активистов, многие из которых владели оружием. У них были миллионы преданных сторонников, клубы и профсоюзы, и не было недостатка в готовой сражаться молодежи. В течение года все эти вроде бы внушительные ресурсы оппозиции будут поглощены огнем.

Вечером 27 февраля 1933 г. двое пешеходов и полицейский, проходя мимо Рейхстага, внушительного здания немецкого парламента в Берлине, заметили нечто необычное. В окнах плясали странные проблески света, среди которых мелькала быстро движущаясь тень. Полицейский сразу понял, что это поджог, и вызвал подкрепление. Правоохранители вошли в здание, преодолевая завесу густого черного дыма. Вскоре они увидели таинственного нарушителя: полуголый, покрытый потом, со свекольно-красным лицом и всклокоченными волосами, он выбирался из зала. Согласно найденному при нем паспорту, это был гра-

жданин Нидерландов Маринус ван дер Люббе. Чтобы устроить пожар, он использовал свою рубашку и канистру с бензином. На вопросы, зачем он это сделал, он отвечал: «Протест! Протест!»¹.

Мало кто из многочисленных берлинцев, с ужасом наблюдавших за пламенем, мог вообразить, что новый рейхсканцлер Адольф Гитлер использует этот поджог как повод для уничтожения всех оппозиционных структур, организаций и партий в Германии. Канцлер, назначенный всего месяцем ранее, 30 января, менее чем за год ликвидировал политические партии всех направлений, автономию немецких земель и могущественные профсоюзы. Радикальные изменения затронули также государственную службу, судебную систему, школы, университеты, а главное — армию. К концу 1934 г. Гитлер и нацистская партия оказались единственными хозяевами Германии — никакой боеспособной оппозиции, действующей или потенциальной, не осталось.

К горящему зданию поспешили представители нового режима. Первым появился Герман Геринг, один из приближенных Гитлера и председатель рейхстага. Командир пожарных доложил ему о попытках ликвидировать возгорание, но Геринга больше интересовала возможность ликвидировать кое-что другое. «Виновны коммунистические революционеры, — заявил он. — Это деяние — начало коммунистического восстания, которое необходимо немедленно подавить железной рукой». Гитлер и его главный пропагандист Йозеф Геббельс не остались в стороне. «С этого дня, — заявил новый канцлер, — любой, кто встанет на нашем пути, будет уничтожен. Немецкий народ не поймет мягкости. Депутатов-коммунистов следует повесить сегодня же»².

От Рейхстага, одного из последних реликтов умиравшей Веймарской республики, остался почерневший остов. Страну охватила тревога, подпитываемая громкими заголовками в утренних газетах. «Только безжалостные меры против убийц, поджига-

телей и отравителей», — гласил один из них. «Расплата за террор — смертная казнь». Вскоре тревога переросла в истерию. «Они собирались посылать вооруженные банды в деревни, чтобы убивать и устраивать пожары», — записала в своем дневнике Луиза Зольмиц, консервативная школьная учительница³. «Стало быть, коммунисты подожгли Рейхстаг», — отмечал молодой юрист Себастьян Хафнер, один из немногих оставшихся скептиков.

Так-так. Это возможно. Это очень правдоподобно. Правда, несколько комично, почему именно Рейхстаг? Пустое здание, от его поджога никому никакой выгоды. Ну, наверное, это и впрямь «сигнал» для революции, каковая была в зародыше задушена решительными действиями правительства. Так написано в газетах, и, пожалуй, это убедительно. Странно, правда, что по поводу поджога Рейхстага так заволновались нацисты. До сих пор парламент был для них «дурацкой хибарой для трескотни», и вдруг разом сделалось оскорблением великой святыни то, что кто-то осмелился эту «дурацкую хибару» поджечь... Главное, опасность коммунистической революции миновала и мы можем спать спокойно⁴.

Ни правительство, ни коммунисты не спали спокойно. Накануне поджога Рейхстага Гитлеру только предстояло заручиться поддержкой большинства немцев. Немецкой национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) по-прежнему было далеко до большинства в парламенте. Левые оппозиционные партии — социал-демократы и коммунисты — все еще представляли собой серьезную политическую силу⁵. Теперь же нацисты воспользовались красной угрозой, чтобы привлечь на свою сторону большую часть немецкого общества. Многие сочли Гитлера меньшим злом — даже если они прохладно относились к нему и его радикальным идеям. Кто-то, в особенности сторонники национал-консервативных правых сил, увидел в нацист-

ском лидере избавителя. Учительница Луиза Зольмиц, хотя и была замужем за крещеным евреем, принадлежала к числу таких людей. «Гитлер занимает мысли большинства немцев, — признавалась она в дневнике. — Его слава возносится к звездам. Он — спаситель жалкого грешного мира»⁶. Подобные страхи населения власть использовала для начала наполовину спланированной, наполовину спонтанной кампании по полному политическому, культурному и идеологическому покорению Германии. Нет нужды говорить, что накаленная атмосфера облегчила нейтрализацию всех центров силы, где могла возникнуть потенциальная оппозиция.

Кто на самом деле поджег Рейхстаг? Что это было — постановка национал-социалистов или выступление фанатика-одиночки в лице ван дер Люббе? Ученые спорят до сих пор⁷. В любом случае выиграли от этого исключительно нацисты. При формировании правительства они потребовали всего два портфеля в дополнение к должности канцлера: Министерство внутренних дел рейха и соответствующий орган в Пруссии, крупнейшей и важнейшей из немецких земель. Они знали, что делали. Эти два министерства обеспечивали им полный контроль над полицией, тайной полицией и органами внутренней безопасности по всему рейху. Опираясь на полученную власть, они решили полностью уничтожить оппозицию путем пропаганды, обольщения тех немцев, которые еще не являлись убежденными нацистами, и террора в отношении оставшихся членов оппозиции.

Сопrotивление становилось как никогда опасным делом. Один из основателей немецкого движения Сопrotивления Ханс Бернд Гизевиус с горечью писал позже: «Разве это был только Рейхстаг? Разве не пылал весь Берлин?»⁸ Кампания по ликвидации оппозиции и ее институтов являлась частью более масштабного процесса, который позже назвали «гляйхшальтунг»*. Его

---

* Уравнивание (нем. Gleichschaltung, от Gleich — «равный», Schaltung — «включение, схема»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru